

Хирургия не терпит лихачества и равнодушия

1 «Один очень уважаемый хирург как-то сказал: «Оперировать можно научить и обезьяну, а вот стать врачом может не каждый».

«Терпеть не могу эту фразу. Хирурги – штучный товар, это люди, которые должны отдать много личного времени, чтоб научиться оперировать. Врачевание и хирургия отличаются несильно. Но классному хирургу быть хорошим врачом совершенно не обязательно. Сделав хорошо операцию, ему у постели больного больше делать нечего».

Борис Васильевич, на какой операции становитесь хирургом – на первой, пятой, десятой?

«Мы с другом в интернатуре были «чемпионами» по таким операциям – прободение язвы, аппендицит. В 1976-м году это было классно. Экзамен по хирургии проходил так: шла комиссия с главным хирургом города Бессоновым во главе, я делал тяжёлую аппендектомию. Считается, с ней начинают все хирурги. Хотя она у меня была уже сотая, волнение испытывал жуткое... Он меня похлопал по плечу: всё хорошо!»

«На первой же операции после интернатуры понял, что ничего не знаю в хирургии. И пошёл в морг. Изучал анатомию и оперативную хирургию на протяжении лет десяти. Знакомые санитары морга были по всему городу, я приезжал и работал по четыре-пять часов, раза три в месяц. Они меня любили: я им привозил водочку и закусточку».

Набивали руку?
«Грубо, но где-то правильно. Анатомию надо знать не по картинкам. В человеке всё иначе, чем в книге. А пытаться сориентироваться в ране на живом человеке под наркозом – можно так влететь! Страх перед хирургическими ошибками и погнался в морг».

Там страшно закончилось?
«Закончился. Я стал себя уверенно чувствовать у операционного стола. Меня всегда звали на сложные случаи. Но волнение остаётся. Даже сейчас. Хотя говорили, проработаешь 10-20 лет, с закрытыми глазами будешь делать...»

То есть рутинной обыденностью операции не стали?

«Нет. Про себя могу сказать, всегда волнуясь. Не знаю хирургов, которые бы по моргам путешествовали. У меня сейчас в отделении шесть молодых хирургов по 30-35 лет. Решил их в свою веру обратить. Два раза сходили, и я понял: что-то не то делаем. Видимо, у меня было что-то иначе, гнало желание понять всю анатомию...»

А желание быть лучше других?
«Не лучше других, нет. Профессиональное честолюбие, здоровые амбиции – да».

Вы с детства такой?
«Да. С пятого класса 15 лет занимался фехтованием. Мастер спорта. Был членом сборной России».

Хотелось побеждать?
«Конечно. А как же?»

Победитель по жизни?
«Не знаю, как по жизни, но

Доктор Фадин

в фехтовании побеждал. То, что я могу побороться, попытаться чего-то достичь – да. Любый спортсмен нацелен на результат. Причём на победу любой ценой».

Задвигать приходилось что-нибудь, если это мешало движению вперёд?

«В удовольствиях многих себе отказывал. Работал очень много, когда начинал: из больницы раньше семи вечера не уходил».

Когда открывалось новое здание ОКБ, вы пришли туда почти всем курсом, и многие стали успешными – Завершинский, Прудков...

«С Юрой и Мишей мы вместе с первого класса, потом в одной группе в институте учились. У нас была экспериментальная группа субординаторов. Савицкий (выдающийся свердловский кардиохирург, – Н.П.) решил подготовить новое поколение кардиохирургов. Указали на нашу группу. В 23-й больнице целый год ассистировали практически на всех кардиохирургических операциях, на скорость ввязали хирургические узлы...»

Михаилу Прудкову папа (Иосиф Прудков – родоначальник малонназывных методов оперирования – Н.П.) – передал операцию, как говорят, из рук в руки. Кого вы считаете учителем?

«Поскольку я всегда пропадал в морге, то не чувствовал, что меня прямо кто-то учит. Но БД – Борис Дмитриевич Мальгин – много значит для меня. Добрая ему память...»

И всё-таки ваш курс: вы были коллективно талантливы или время требовало талантов в медицине?

«Наверное, мы были талантливы, но сами этого не понимали. А время давало возможность таланту развиваться и найти применение».

В хирургии больше от ремесла или от искусства?

«Не знаю, как ответить. Но абсолютно уверен: у хирургов, как и у художников, вто-

рая сигнальная система развития слабо. Это люди творчества. Они всё делают руками».

На каждую операцию существует свой протокол ведения. Но наверняка нестандартные ситуации возникают?

«Могут возникнуть. Есть перечень болезней, операции при которых проходят стандартно. А при аневризме аорты, например, вообще стандарта нет. То, что врач видит на снимках, и то, что получает, открыв грудь человека, лежащего на операционном столе, сильно отличается. Всё, как правило, гораздо труднее. Решение принимается в процессе».

В общей хирургии сейчас упрощаются методики – малые травмы, быстрое восстановление. А большая сосудистая хирургия остаётся одной из самых консервативных, сохраняя традиционные методики и манипуляции. Но я попробовал. Мой друг Миша Прудков сподвигнул на это – он ведь основоположник малой инвазии в хирургии. И когда я делал первый доклад о первых операциях на брюшной аорте из малого доступа в 2000-м году, в аудитории стояла мёртвая тишина. У меня первый патент – никто не делал операций малого доступа на аорте в России».

Правда, что вы в молодости играли на гитаре и пели в ресторане?

«Да. У нас была банда, которая называлась «Бумеранг» – битломаны, хулиганы волосатые. Стали, между прочим, дипломантами Всесоюзного конкурса ВИА. Гитара, фехтование, и бак – мединститут! У мамы, акушера-гинеколога, был шок: медицина, спорт и кабацкая музыка! Всё улеглось курсу к третьему, на четвёртом спорт ушёл».

Кураж был в учёбе?

«Чувствовали себя покруче, чем те, кто в УПИ, в УрГУ поступил, но учились тяжело. Сразу началась анатомия: трупы, кости, мозги. Мы заканчи-

Борис и его команда. Позади футбольный матч с челябинскими врачами. Впереди – новые вершины сосудистой хирургии

вали английскую спецшколу, нам полечке было, а у остальных с латинскими буквами – мрак. Думали только о хирургии. Никаких других мыслей».

Соперничали с одноклассниками?

«С Мишкой – да. Когда пришли в ОКБ, нас встретил Костенецкий (тогда – главный врач, – Н.П.): «Одно то, что вам выпала возможность работать в областной больнице, можете считать за счастье. Но предупреждаю – никаких просьб, надежд и ожиданий по жилью. Этого не будет. Работы будет много». Мы же закончили субординатуру как кардиохирурги, а в ОКБ было два места в гнойной и одно в челюстнолицевой хирургии. Бросили на пальцах, кому куда. Юра Завершинский (врач, который первым на Урале передал сердечко, – Н.П.) – пошёл в челюстнолицевую. Мы с Мишкой – в гнойную хирургию, где тогда были тяжелейший контингент, даже не видели таких патологий, как правило, запущенные случаи. Составлялись, кто какие операции лучше сделает».

Мы здесь повзрослели: трудные случаи вытаскивали, зачастую делали сложнейшие перевязки, а они – как малые операции, некоторые под наркозом. Это тяжёлая часть хирургии, не такая «красивая». Около 10 лет проработал в гнойной. Потом ненадолго ушёл в лёгочный центр, к профессору Шулуто. Там приобрёл совершенно новое мировоззрение. Видимо, в это время и кончилось детство в хирургии. Я понял, лихачество в ней неприемлемо».

Первая трансплантация почки случилась двадцать лет назад. Сколько прошло от замысла до реализации?

«В своё время мы помогли гемодиализу, начав делать сосудистые доступы (фистулы, шунты) для процедуры. Одновременно стали с Владимиром Злоказовым (зав. отделением гемодиализа ОКБ – Н.П.) смотреть больных по области, задумались: может, начнём готовиться к пересадке почки? В 1988 году конкретно решили: «Боря, готовься, будем заниматься этой технологией». Приехали профессора Белорусов и Трошин из Москвы, которые работали в органном донорстве, занимались пересадками почек. Беседовали. Я согласился».

Был шанс стать первым?

«Было жутко интересно! Когда встал вопрос, нужны ли помощники из Москвы, отказался. Я же не зря столько лет провёл в морге. В столице видел: то, что я шил полчаса, они делали часами. Показывали методику изъятия почек у трупа – мне не очень понравилось. Даже совсем не понравилось. Снова пошёл в морг, разработал свою технологию, очень деликатную схему изъятия донорских почек. До сих пор она действует».

У некоторых, причастных к становлению технологии, были опасения: вдруг завалим? Я считал, что всё равно надо начинать, мы были готовы, должно было получиться. В Москве хорошо отзывались о наших органах, а это очень важный момент, можно сказать, основной в трансплантации. Решение о первой пересадке приняли неожиданно: в очередной раз съездили на забор, привез-

ли почку и вдруг – давайте пересадим. Взял для подстраховки врача-уролога ассистентом. Оперировали с 16 на 17 октября 1990 года...»

Психологическое, профессиональное волнение хоть было? А так просто говорите, как будто манюкор сделали.

«Я помню одно: когда зажимы снял, сосуды зашевелились, почка начала «писать». Это было здорово! Зашивая рану, понял, жизнь началась...»

Вы хладнокровный человек?

«Нет. Я считаю, что хирург просто обязан быть эмоциональным. Эмоционально неразвитому человеку вообще нечего делать в хирургии».

Нужно уметь сострадать?

«Сострадание – не единственное проявление эмоциональности».

Зачем эмоции во время операции?

«Как вообще можно что-то делать без эмоций? У меня есть девиз – «Прочь сантименты!». Но это не исключает эмоций. Это внутреннее состояние, и оно никак внешне не проявляется. Равнодушный человек и сангвиник не для хирургии».

Завистники были после первой пересадки?

«Да. Думаю, они до сих пор есть. Пересадка – труд, достижение нашей хирургической команды, врачей и медсестёр. Сколько мы потом коньяка выпили! А некоторые руководители, причастные к операции, к нам даже не зашли. Но тех, кто радовался с нами и за нас, было всё-таки больше. Я через неделю защищался, все пришли на защиту кандидатской, потом на банкет. Миша с Юрой были».

В то время были популярные целевые программы. Я написал проект дальнейшего развития трансплантологии и органного донорства на Урале. И нас отправили в Завершинским на полгода в Штаты. В России тогда сделали первые десять пересадок печени. И все неудачно. А в Питтсбурге за год – 700! Мы в Америке не вылезали из операционных, смотрели, ассистировали. Вернувшись, докладывал про листы ожидания, про пересадку сердца. Цифры невосприимчивыми были в 1996 году. Но мы увидели, как надо работать. Решили в конце следующего года печень и сердце пересадить. Но не пошло. Нам говорили: «Дети в роддомах умирают, а вы – пересадка». Воспринимали, будто хотим поведывать, когда не хватает денег на насущное. В итоге пересадили первую печень в 2005 году, а могли бы в 1997-м...»

До этого случилась пересадка ВИЧ-инфицированной почки, прогревшая, естественно, на всю страну. Завистники отплыли?

«Не знаю, мне никто ничего не говорил. Сам не спился, не бросил медицину. Хотя боялся, что потеряю всё, чему была посвящена жизнь, потому что больше ничего не умею делать. Мог пойти в такси, меня могли посадить в тюрьму, хотели лишить категории профессиональной. На время. В миздраве все дрожали от ужаса. Я говорил:

«Давайте, я значок отличника здравоохранения тоже дам на хранение». Евгений Васильевич Самборский, бывший главврачом, сказал тогда: «Не вздумай телить включать и газетку читать!». Он меня спас. А пациент тот жив, всё нормально. Формально я как бы не виноват... Но, раз взял скальпель, сделал разрез – всё, отвечашь».

А кто слит тогда информацию?

«Не знаю. Правда, не знаю, но кто-то из своих. Миша Прудков в тот момент меня очень поддерживал, предлагая ту самую малую инвазию на аорте! Смелых было не много. Я собрал чемоданчик, снова пошёл в морг. Сделал маленький разрез, посмотрел, что и как там».

У вас морг как спасение...

«Это экспериментальная работа, которую в хирургии никто не отменял. В любом новом методе – первая ступень».

Хирург вынужден делать больно, отсекая лишнее, чтоб потом человеку было хорошо. В собственной жизни приходилось резать по живому?

«С первой семьёй я растался из-за хирургии: 15 дежурств в месяц, 119 рублей зарплата и всё. Вторая жена – моя бывшая операционная сестра. В октябре мы пересадили почку, она помогла на операции, а в декабре родила сына».

Он станет хирургом?

«Не думаю. Молодое поколение сейчас какое-то слабое. Может, будет пытаться. Отстал со мной на двух пересадках».

Руки бережёт? Или для хирурга они не самое главное?

«Как без рук! Но нежные руки хирурга – это легенды».

Иконы в кабинете – подарки благодарных пациентов?

«Нет. Я крещёный, я верю. Бабушка, дочка священника, была набожная очень, она меня в Камеке в 1957 году в церковь сносила и окрестила. Ужас для семьи был».

Приметы или суверия есть...

«Да. Если что-то случается, могу и операцию отменить».

Кому из рук в руки передаёте секреты?

«Благодаря Самборскому, который сказал – ищи, я всех приму – появились ученики. Это можно было сделать только при нём. До этого работал один, трое или пятеро ушли, не вынесли такого ритма. Я уж думал, не будет команды. Взял почти одного выпускника парней, они друг друга знают, им легко работать. Я доволен».

В детстве кем хотели быть?

«Шофёром. У меня папочку профилактически из партии выгнали и как неблагонадёжного – кто-то в родне был кулак – из Москвы сослали на Урал. Родственников в столице осталось много. У одной тётки муж работал дальнобойщиком, ездил за рубеж. На дядиню машине сталинских времён ездил за рулём уже в 12 лет».

Когда перестали хотеть?
«А никогда! Я и сейчас жалею, между прочим. Сел бы в длинную фуру и поехал бы куда-нибудь с удовольствием».

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Родился в 1953 году в Камеке-Уральском.
В 1957 семья переехала в Свердловск.
В 1970 году закончил английскую спецшколу №2 и поступил в Свердловский медицинский институт.
В 1976 году пришёл в Областную клиническую больницу №1 в отделение гнойной хирургии.
В 1990 выполнил первую пересадку почки на Урале. В этом же году получил знак «Отличник здравоохранения» и защитил кандидатскую диссертацию.
С 1998 года – заведующий отделением реконструктивной хирургии сосудов.
В 2007 году защитил докторскую диссертацию.

Блиц-опрос

- Самое яркое воспоминание детства?
–Велосипед. Мама – постоянно на дежурстве. Если дома, то все ходят на цыпочках, потому что она спит.
- В быту прихотливый? Любите идеальный порядок?
–Бардак не переносю в доме. Одну рубашку дважды не надеву. В еде абсолютно не прихотлив. Но вкусно поесть люблю.
- Зстет, судя по кабинету?
–Не знаю.
- Без чего не можете прожить?
–Без многих вещей... Это скорее профессиональная деформация: в отпуске всегда чего-то не хватает, нет удовлетворения, что-то нужно сделать... Вдруг звонят с работы. Приехал, сделал операцию и чувствую себя по-другому. Это, говорят, проявление депрессии – трудолюбие. Всегда надо что-то делать...
- Копать не пробовали?
–Все умею руками делать – велосипед чинить, гайки крутить, любым инструментом работать. Но землю копать – нет.
- Дом – пещера или рай?
–Дом – это дом. Две собаки и кот. Мне всегда хотелось сделать свой дом, наконец-то, он построен. У меня приличный ландшафтный дизайн, требующий постоянного ухода. Сам разработал.
- Личность в медицине?
–Майкл Девейки. В 53-м году я родился, а он уже создал первый синтетический протез аорты и его пришил. В России – Юрий Белов – самый серьёзный сосудистый хирург.
- Если есть свободное время?
–Пилло, стругаю, на велке катаюсь. Настольная книга «Собачьё сердце». «Мастера и Маргариту» раз сто прочитал. Одно из любимых произведений.
- Чай, кофе?
–Кофе. Он гасит аппетит, потому что на работе всегда некогда, а, зачастую, и нечего поесть.
- Музыку любите?
–Да. Моя дочь – пианистка, преподаёт в Вестминстерском аббатстве, ведёт королевскую школу. Я ходил к ней на концерты и в консерваторию, и в школе. Их невозможно без слёз слушать. Играли произведения, которые мы никогда не услышим, они не прошли когда-то принцип партийности в искусстве. Я люблю музыку, понимаю её и чувствую, и с удовольствием ходил бы в филармонию, но там редко можно что-то интересное услышать. А туда надо ходить слушать, а не для того, чтоб посмотреть, кто пришёл ещё.
- Гитара жива?
–Да.
- Страна?
–Шотландия. С удовольствием ещё бы побывал.
- С какой скоростью ездите?
–Да сейчас не быстро. Раньше гонял здорово. Машина мощная, 160 – легко! Особенно, если кто-то начинает нервничать сзади...

Нужно всё пропустить через свои руки

Деревня. Дом. Зима. Собака